

ОСВОЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ ВОСТОЧНО-РОМАНСКИХ И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ В РУССКОЙ ГОРОДСКОЙ РЕЧИ ОДЕССЫ

Semantic Development of Borrowings from East Romance and Italian
Languages in the Russian Urban Speech of Odessa

Евгений Степанов
e.stepanov@onu.edu.ua

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова (Одесса, Украина)

Ievgenii Stepanov
e.stepanov@onu.edu.ua

Odessa I. I. Mechnikov National University (Odessa, Ukraine)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 18.11.2017

Fecha de evaluación: 17.12.2017

Cuadernos de Rusística Española n° 13 (2017), 83 - 95

ABSTRACT

The purpose of this article is to describe the results of studying the processes of borrowing words from the native speech of Moldovans, Romanians and Italians who settled in Odessa in the 1st half of the 19th century to the Russian urban speech of Odessa. The object of study is East Romance and Italian lexical borrowings-regionalisms in the Russian urban speech of Odessa in different periods of its functioning. The subject of the research is the reasons, conceptual features and the mastering process of such borrowings. The material of the study was the written and oral texts of the Odessa discourse. Research methods of sociolinguistic, descriptive, semantic and etymological analysis were applied. The analysis of odessisms of Moldavian and Italian origin, allowed us to draw a number of conclusions. These Romance languages have different lingvocultural areas of influence on the Odessa urban vernacular. Features of Moldavian influence are noticeable, mainly in the semantic classes of pragmatonyms and toponyms. The native speech of the Italians had an impact on the formation of Odessa shibboleths mainly in the conceptual spheres of maritime affairs, theatrical art, economics, finance, construction, cooking.

Keywords: Russian urban speech of Odessa, Odessa urban vernacular, Odessism, Moldavian and Italian borrowings, word development, urban linguistics.

РЕЗЮМЕ

Цель данной статьи – описать результаты изучения процессов заимствования в русскую городскую речь Одессы слов из родной речи молдаван, румын и итальянцев, поселявшихся в городе в 1-ой пол. XIX в. Объект изучения – восточно-романские и итальянские лексические заимствования-регионализмы в русской городской речи Одессы в разные периоды её функционирования. Предмет исследования – причины, концептуальные особенности и процесс освоения таких заимствований. Материал исследования – письменные и устные тексты одесского дискурса. Используемые методы: социолингвистический, описательный, семантического и этимологического анализа. Анализ одессизмов, заимствованных из молдавского / румынского и итальянского языков показал, что эти языки имеют разные лингвокультурные сферы влияния в истории русской речи одесситов. Следы молдавского влияния заметны в семантических классах прагматонимов и топонимов. Родная речь итальянцев оказывала влияние на формирование одесских шиббокетов в концептосферах морского дела, театрального искусства, экономики, финансов, строительства, кулинарии.

Ключевые слова: русская городская речь Одессы, одесское городское койне, одессизм, восточно-романские и итальянские заимствования, освоение слова, урбанолингвистика.

Постановка проблемы. В истории русского языка имеются периоды наиболее активного пополнения его заимствованиями из других языков. Исследования в этом направлении обычно проводятся на материале академических словарей, текстов, которые ориентируются на речь центральной России. Ни в одном из толковых словарей современного русского языка, в отличие от целого ряда словарей других языков, не отмечен год первой фиксации слова и его значений. А ведь при изучении процессов заимствования эти данные важны для объективности выводов. В последнее время всё чаще используется Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Однако основное внимание при отборе в него текстов уделяется дискурсу, созданному на территории современной России. Так, в подкорпусе текстов из СМИ, где, по общему признанию лингвистов, отмечается наибольшее количество новых заимствований, сегодня собраны материалы, начиная с 1990-х годов. Подобная ситуация, за некоторыми исключениями, касается и других жанровых, тематических, стилевых дискурсов. Например, в подкорпус художественной литературы отбираются тексты русской классики. Однако каждое литературное направление имеет свой канон. В разные периоды развития русской литературы существовали разные подходы к отбору классики. Известно о вмешательстве политических кругов государства в корректировку списка писателей и произведений, обязательных, допустимых или запрещённых для изучения в школах и вузах. Таким образом, отбор текстов, предложенных в НКРЯ для лингвистического анализа, произведён не по лингвистическим, а по литературоведческим, историческим, отчасти политическим признакам. Элемент субъективной оценки ценности текста для истории русского языка весьма велик. Кроме того, за пределами словарей оказывается немало количество лексем и фразеологизмов, а за пределами НКРЯ громадное количество текстов, созданных русскими, проживающими за пределами метрополии, и этнически не русскими людьми, использующими русский язык как родной в разных сферах коммуникации. В такой ситуации изучение синхронное состояние языка изучается успешней, чем его диахрония, без которой анализ процессов заимствования был бы неполным.

Постановка исследовательских задач. В связи с вышеизложенным мы считаем актуальным и теоретически важным изучение заимствований в региональную русскую речь, в частности, в русскую речь полилингвокультурного нестоличного города. Цель статьи – установить своеобразие процессов заимствования в русскую городскую речь Одессы слов из родной речи носителей восточно-романских (молдавского и/или румынского) и итальянского языков, поселявшихся в городе в 1-ой половине XIX в. Объект изучения – заимствования-регионализмы из указанных языков в одесском городском койне разных периодов его функционирования. Предмет исследования – причины, концептуальные особенности и процесс освоения таких заимствований в русской городской речи Одессы (РГРО). Материалом исследования послужили письменные и устные тексты одесского дискурса. Основные методы исследования – социолингвистический, описательный, а также методы семантического и этимологического анализа.

Связь с предыдущими исследованиями. Попытки изучения речи горожан в XIX – нач. XX в. стояли в русском языкознании в одном ряду с масштабными историко-диалектологическими исследованиями (Степанов 2013 : 25). Некоторым исключением были две попытки научного осознания процессов, происходивших в русской речи Одессы: научный труд профессора Ришельевского лицея К. П. Зеленецкого «О русском языке в Новороссийском крае» (Зеленецкий 1855) и «Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России)» В. Р. Долопчева (Долопчев 1886). Основной причиной особенностей русской речи жителей Северо-Западного Причерноморья эти учёные считали перенос русских диалектных черт русскими переселенцами и заимствований из родных языков обрусевшими «инородцами», также поселявшимися здесь.

В новейших урбанолингвистических исследованиях русистов обращается внимание на заимствования, которые приходят в речь того или иного города, на причины их появления, своеобразие фонетического, грамматического, семантического освоения (напр.: Бондалетов 1990; Елистратов 1997; Ерофеева 1992; Журавлёв 1984; Иванов 2004; Исмагилова 2007; Колесов 1991; Палади 2008; Шалина 2010). Полилингвокультурный феномен Одессы долгое время рассматривался односторонне. Обычно этой проблемой занимались историки и этнологи. Объектом лингвистического научного исследования Одесса после долгого перерыва стала в наших работах на рубеже XX–XXI вв. (Степанов 1999; 2003; 2004; 2005; 2006; 2009; 2013 и др.).

Изложение основного материала. Влияние романских языков на русскую городскую речь Одессы связано с активной колонизацией города, начиная с XVIII века, молдаванами, итальянцами и французами. Были среди горожан и испанцы, однако их количество оставалось незначительным.¹ После основания Одессы в 1794 году на месте османского городка Хаджибей, окружавшего крепость Ени-Дунья, город стал развиваться как южные морские ворота Российской империи. В эпоху отсутствия железных дорог Одесса стала крупнейшим транспортным узлом России для сообщения со средиземноморскими странами. Торговать, работать, спастись от преследований или учиться в Одессу ехали как с севера и северо-запада: русские, украинцы, белорусы, поляки, евреи, – так и с юга и юго-запада: молдаване, болгары, греки, армяне, итальянцы, французы, немцы (в основном, баварцы), испанцы. Больше половины населения составляли восточные славяне. Именно поэтому городское койне Одессы формировалось на базе русского языка как гомогенно-гетерогенное: на русскую литературную речь оказывали влияние русские диалекты, родственные славянские языки и ряд неродственных иноязычных идиомов. Подобные койне обычно возникают в новых городах колониального типа, одним из которых как раз и стала Одесса. Романские языки имеют разные лингвокультурные сферы влияния в истории одесского городского койне.

Влияние восточно-романских языков следует рассматривать как одно из наиболее старых иноязычных влияний на русскую речь Одессы и Одесской области. Сегодня молдавский и румынский микрокомпонент в этническом макрокомпоненте одесского койне представлен нешироко. В нашей картотеке, собранной на материале

1. Об истории колонизации Одессы носителями разных языков см.: Степанов 2004 : 15–91.

более 500 текстов одесского художественного, публицистического и разговорного дискурса, а также анализа 227 анкет, обработки корпуса научной литературы, насчитывается 67 единиц, которые являются одесскими шибболетами-молдаванизмами. Влияние восточно-романских языков на лексический состав РГРО заметны с конца XVIII в., главным образом, в семантических классах прагматонимов и топонимов (Степанов 2009).

Так, в Словаре Даля как одесское обозначено слово *франзóля* (Даль 1978, 1: LXXIV). В XIX в. популярными сортами хлеба в Одессе были *франзоля* (длинный по форме белый хлеб) и *грек* (тёмный хлеб). Напр.: *Кирьяков... купил нам палубные билеты, вручил фунт вкусной копчёной колбасы и две франзолы...* (Катаев 1983: 96). Социолингвистический анализ свидетельствует о том, что *франзолы* и *греки* выпекались и продавались ещё в хаджибейский период существования города представителями основных этнических групп региона. Греки жили в самом городке, а молдаване – на его окраине, в Молдаванских хуторах, на месте которых ныне находится район Молдаванка. Молдаване поселились тут не позже 1760-х годов. Они строили османскую крепость и занимались земледелием, снабжая продуктами Хаджибей и заходившие в порт. Молдаване традиционно выращивали пшеницу твёрдых сортов, выпекали из неё белый хлеб для себя и на продажу. В молдавском языке имеются слова *franzela* / *франзелэ* («булка», «длинный хлебный батон»), *franzelarie* / *франзелэрие* («булочная»). Осваивая слово *franzela*, славянские жители Хаджибея, а затем и Одессы использовали продуктивную в славянских языках (особенно в случаях морфологической ассимиляции иноязычных существительных) вариативную финаль *-оля* / *-оль* вместо молдавской *-ela* (*-ela*) под влиянием межъязыковой паронимии служебных морфем. Ср.: укр. и рус. диалектное *барабóля*; рус. *фасóль* – укр. *квасóля*, рус. просторечное *фасóля*; рус. *мозóль* – укр., рус. прост. *мозóля*; польск. *parásol* – укр. *парасóля*; рус. *то́поль* – укр. *топо́ля*; польск. *żyrándol* – укр. прост. *жирандо́ля* и под. Этимологию М. Фасмера, в соответствии с которой *франзоля* – новообразование от немецкого *Franzbrot* – «французская булка» (с немецким формантом *Franz* или голландским *Frans*) (Фасмер 1987, 4: 205), мы считаем некорректной, так как немецкие поселенцы появились в окрестностях Одессы тогда, когда слово уже функционировало в регионе, а голландской диаспоры в городе и окрестностях никогда не было. Этот одесский шибболет не зафиксирован современными толковыми словарями, хотя одесситы употребляли его ещё в 1960-е годы регулярно. Нерегулярно существительное *франзоля* функционирует в своём первоначальном значении и в XXI в. В современной Одессе денотат и сигнификат слова *франзоля* / *франзоль* стали мотиваторами названий нескольких булочных и кафе.

Среди одесских названий ветров известен локализм *молдаван* – ветер, который дует с запада и юго-запада, приносит осадки и отгоняет от берега тёплые слои воды. Название ветра связано с географическим расположением Одессы к востоку от Молдавии.

Самым престижным районом Одессы сегодня считается *Фонтан*. Этот урбанотопоним напрямую связан со значением молд. *fântână* / *фынты́нэ* – «источник», «колодец». Мы полагаем, что эта прибрежная местность, где подземные воды выходили на поверхность и стекали ручьями к морю, была названа в XVIII веке молдаванами *fântâni* (= фонтаны, источники, ключи, колодцы). Отсюда жители

Молдаванки и Хаджибея возили воду для питья и полива огородов, так как в местных колодцах вода горько-солёная. Фонетическое и грамматическое освоение этого заимствования в русской речи Одессы произошло на основе уже имевшегося в русском языке итальянско-французского гибрида *фонтан* (< ит. *fontana* + фр. *fontaine* < лат. *fons* / *fontis* – источник, ключ) по субстантивному склонению мужского рода с нулевой флексией. Первоначальное значение слова *фонтан* в русской речи одесситов функционировало как основное намного дольше, чем в русском литературном языке, где уже в 1-ой пол. XIX в. произошло частичное устранение полисемии этого слова. В литературном русском языке в это время, как и сегодня, *фонтаном* намного чаще называли сильную струю любой жидкости или газа из-под земли, а также искусственное сооружение для выбрасывания водяных струй. Причина более длительного сохранения в одесском койне первоначального значения заключалась в том, что фонтанские ключи и дождевая вода с крыш до 1873 г., когда построили водопровод из Днестра, были основными источниками питьевой воды в Одессе. За это время апеллятив *фонтан* дал начало топонимам *Фонтан*, *Малый Фонтан*, *Средний Фонтан*, *Большой Фонтан*, *Малофонтанская* и *Большефонтанская дороги*, *Среднефонтанская улица*, оттопонимным образованиям типа *фонтанские дачи*, *фонтанские сады*. Возник оценочный фразеологизм *не фонтан!* (= «плохого качества»), звучавший в осуждение водовозам, которые продавали жёсткую воду из колодцев как фонтанскую. К концу XIX в. этот фразеологизм был освоен общеупотребительным русским просторечием и активно функционирует до сих пор.

Регулярный одессизм – существительное *пиёнка* (*пионка*) = «варёный или предназначенный для варки кукурузный початок». Полагаем, *пиёнка* в данном значении образовано от молд. и рум. *ráruişoi* / *пэнушо́й* – «кукуруза». Под влиянием межъязыковой паронимии с русским словом *пшено* произошло опрошение: исчез первый слог *па-*. Продуктивный суффикс *-к-* поставил слово *пиёнка* в один ряд с разговорными либо просторечными названиями зерновых продуктов (ср.: *гречка*, *манка*, *перловка*, *ячка* и др.); слово стало омонимом просторечного названия пшённой каши – *пиёнки*. Недифтонгичность русского языка способствовала замене сонорного [й] – рекурсивного элемента нисходящего дифтонга в молдавском *ráruişoi* – другим сонорным: [н]. В русских говорах Одесщины для наименования кукурузы используют варианты заимствования: *папишой*, *папушой*, *папушойа*, *папу́ша* (СРГО 2001, 2: 13–14). Второй звук [а] появился под влиянием русских диалектизмов с корнем *пан-*, обозначающих хлеб, булки: *pána*, *panúxa*, *panúsha* (Фасмер 1987, 3: 202).

В регионе Одессы регулярно употребляются слова словообразовательного гнезда с ядром *мамалы́га* (< молд., рум. *mămăligă* – «кукурузная каша»). В МАС имеется только прямое значение этого слова: «крутая каша из кукурузной муки». Причём приводится пример из одесского текста В. П. Катаева (МАС 1986, 2: 224). Однако в речи одесситов *мамалы́га* – многозначное слово. Как и в восточно-романских языках, функционируют его лексико-семантические дериваты, в т.ч. со значением лица, имеющие негативные коннотации (Болокан 1980: 813): ¹«любая каша или что-нибудь консистенции каши»; ²(с семьей ‘человек’ и коннотацией фамильярности) «лемешка, размазня, кваша». Во 2-ом значении с негативной коннотацией употребляется также просторечный производный регионализм *мамалы́жник*, соответствующий молд. и рум. *mămăligár*,-*ri*. Слово *мамалы́жник* в РГРО выступает

также в роли псевдоэтнонимов «румын», «молдаванин» с негативной коннотацией, в структуре которой на этническую сему в период румынско-фашистской оккупации наложилась сема 'враг'. *Мамалыжный* в Одессе употребляют в прямом значении («то, что имеет отношение к мамалыге»: *мамалыжная мука, м. крупа, м. каша*) и в переносных значениях («как каша»; «медлительный»; «молдавский, румынский» – все с негативными коннотациями). Недифференцированная сема 'румынский // молдавский' скрыта во фразеотрансформе *мамалыги объесться* (< *белены объесться*) = «одуреть, сойти с ума» (...*Ты что, парень, мамалыги объелся?! Не «за-», а «жа-ирзиньо!»*) (Пойзнер 2001: 45).

Из прагматонимов, заимствованных из восточно-романских языков, одесситы часто употребляют также слова *гогошары* (разновидность сладкого перца), *пацинды* (пироги с брынзой, солёным творогом, тыквой), *малай* (кукурузная лепёшка, кукурузный хлеб). Слово *малай* квалифицируется как южное в словаре В. И. Даля со значением «пшённое толокно, обычная пища чабанов, пастухов». Этимология слова восходит к рум. *maȳlăiu* – «кукуруза» (Фасмер 1986, 2: 562). В речи одесситов и в русских говорах Одесской области *малай* имеет семантическую структуру, аналогичную молдавской и румынской (СРГО 2000, 1: 295–296).

В лингвистической одессике есть мнение о том, что слово *бodega* пришло в РГО в XIX в. из испанского языка (Смирнов 2008: 52–53), поскольку в речи одесситов оно семантизировалось, как в испанском: «погреб для хранения и дегустации вин», «трюм на судне под фордеком», «склад товаров в порту». После революции 1917 г. образ жизни изменился, слово устарело. В период румынской оккупации (1941–1944 гг.) оно снова стало частотным. Однако под влиянием румынского *bodegă* – «закусочная» – изменило семантическую структуру (сема 'подземелье' стала периферийной). В этом значении слово *бodega* часто употребляли румынские солдаты. Быть владельцем *бодегы* стало одним из самых прибыльных дел. В современной Одессе слово *бodega* употребляется с отрицательной коннотацией в значении «пункт общественного питания с плохим обслуживанием». Эта коннотация, по свидетельству коллег из Ясского университета, совпадает с современным (2016 г.) румынским *bodegă*.

Влияние итальянского языка на русскую речь Одессы было активным с конца XVIII в., когда в город приезжали беженцы от революционных войн и революций, до сер. 1860-х гг., когда в Италии развивались процессы объединения страны, обусловившие репатриацию тысяч итальянцев.

Большинство современных итальянизмов в русском языке – специальные слова и термины. Из 601 итализма, зафиксированного Л. И. Демьяновой, специальные слова и термины составляют 85,5 % (514 единиц), в лексико-семантические поля разных сфер быта входят лишь 14,5 % (87 единиц) (Демьянова 2002: 51–52). В сер. XIX в. в Одессе соотношение сфер употребления лексических итальянизмов было иным (Степанов 2005). Одесскими шибболетами-итальянизмами на основе нашего анализа более 500 текстов и 314 анкет коренных одесситов можно считать 72 лексемы. Наиболее частотными специальными словами и терминами в XIX–XX вв. были итальянизмы с архисемой 'экономика'. Коммуникативное пространство Одессы стало «испытательным полигоном» для многих современных русских финансово-экономических терминов итальянского происхождения: *tramta* (< ит.

tratta – «переводной вексель»), *контокуренто* (< ит. *contocorrente* – «текущий счёт»), *негоциант* (< ит. *negoziante* – «купец», «торговец»), *порто-франко* (< ит. *porto franco* – «свободный порт»), *авизо* (< ит. *avviso* – «извещение об изменениях в состоянии взаимных расчётов, о переводе денег, посылке товаров и пр., посылаемое одним контрагентом другому») и др. Напр.: *Неужели ты переписал весь контокуренто?* (Рабинович 1850: 9). *Спутницы объяснили, что это черта портофранко. За этой рогаткой Одесса в таможенном отношении находится как за границей* (Скальковский 1870: 50). Некоторые финансовые термины, бывшие в ходу в русской речи Одессы в XIX в., в новейших словарях, к сожалению, некорректно квалифицируются как неологизмы. Одесским шибболетом остался итальянско-русский гибрид *лапетутник* < ит. *l'appettuto* – *букв. «тот, кто тянет в гору» (о лошади) + русский суффикс –*ник*. Так в Одессе называли биржевых маклеров, игравших на повышение стоимости ценных бумаг. В современном биржевом жаргоне это *быки*, *буйволы* < англ. *bull*. От лапетутников-итальянцев пришло слово *манифарги* – «проделки, авантюры, плутни, мошенничество». Полагаем, это слово является семантическим контаминатом итальянских *manifar* – «события» и *malefatte* – «нарушитель» в РГРО, т. е. «события, в которых нарушены нормы». Современный синоним слова *манифарги* – фразеологизм *одесские штучки*.

Итальянский язык до 1861 г. был обязательным для изучения в Ришельевском лицее и гимназиях Одессы, наряду с греческим он был языком торговых и финансовых сделок. Характерной чертой одесского дискурса 1810-х – 1860-х гг. было употребление варваризмов итальянского происхождения. Чаще всего это были тексты театрального и музыкального дискурсов. Напр.: *Немецкая соната: сперва, важное **andante**, потом, нежное **adagio**, а в заключение, живое, быстрое **rondo**, воспаляющее голову и сердце* (Лит. листки 1833, 1: 6). *Трудно найти такого **primo basso cantate**, каков Марини, такого тенора, каков Джентили, такого **basso generico**, каков Берлендис. <...> Он [оркестр. – Е. С.] ... состоит не из простых музыкантов, а из знатоков своего дела, из **professori di musica**, как выражаются здесь* (Зеленецкий 1839: 185).

В основе старой черноморской лежит средиземноморская терминология судовождения, многие единицы которой итальянизмы (Богородский 1948). Поэтому влияние итальянизмов морского дискурса вполне гармонично. Например, одессизм *скáндал* О. А. Рабинович толкует так: «от итал. *scandaglio*, поверка, испытание. Так называется небольшой металлический аппарат, по которому узнаётся вес в четверти зернового хлеба» (Рабинович 1850: 88). В XVII–XVIII вв. в русском языке был зафиксирован морской термин *скáндал* = «лот», «приспособление для промера глубины». В Одессе это слово приобрело новое значение, не зафиксированное ни в одном словаре. Одесский порт специализировался на торговле зерном, которое перевозили в четвертях – бочках объёмом около 210 литров. Продавцы утолщали дно и стенки бочки, чтобы обмануть покупателя. Для проверки тары с зерном был изобретён *скáндал*. В современных русских и болгарских говорах Бессарабии имеется слово *шкaндáл*, обозначающее весы типа безмена или кантера. Полагаем, что здесь произошла контаминация на основе семы 'измерение' немецкого *Skalen* – «весы», которое употреблялось бессарабскими немцами, и одессизма итальянского происхождения *скáндал*, вошедшего в разные языки Бессарабии благодаря

коммуникативным сценариям торговли зерном, в которых использовались оба денотата. Междометия *вира!*, *майна!*, *банда!* первоначально были заимствованы как команды при погрузке и выгрузке товаров в порту. Этимологически это формы итальянского императива: *vira!* – «крути, вращай (лебёдку)», т.е. «поднимай вверх» < *virare*; *maina!* – «спускай, сворачивай (паруса)» – < *mainare*; *банда!* – «отводи в сторону; наклоняй на бок; накрени» < *bandare*. Эти итальянизмы быстро распространились в русской речи для обозначения направлений движения груза при любых погрузо-разгрузочных работах: на стройках, на железной дороге, в горнодобывающей промышленности и т.д. В РГРО эти словоформы освоились настолько, что стали мотивирующими для производных глаголов, спрягаемых по всем правилам русской глагольной парадигматики: *вира́ть* / *свира́ть* – «поднимать / поднять»; *майно́вать* / *майна́ть* // *смайно́вать* / *смайна́ть* – «спускать, опускать // спустить, опустить»; *банда́ть* / *сбанда́ть* – «отводить / отвести в сторону; наклонять / наклонить; накренять / накренить». Напр.: *Кипит работа. В кочегарке / Герои судна “первой марки” / Стуча возились в полутьме. / Колосниками барабаныт, / Вируют мусор, трубки баняют...* (Моряк 3.07.1922: 4). ...*Вирай, вирай! Куда вираешь, стерва, в самую серёдку вирай* (Львов 1966: 73). В одном из примеров имеется форма одесского итальянизма *банить* (< ит. *bagnare* – «мочить, смачивать, увлажнять»).

Итальянские заимствования активно употреблялись в строительном дискурсе. Некоторые из них стали одесскими шибболетами и употребляются в современном койне Одессы. В быстро богатеейшей Одессе строили *палаццо* (< ит. *palazzo* – «дворец») и дома для мещан с *итальянскими двориками*, которые до сих пор остаются визитной карточкой города. Одессу 1-ой половины и середины XIX в. сравнивали с итальянскими городами. В нач. 1820-х гг. мостовые стали покрывать *гранитными* (<ит. *granito*) булыжниками, а тротуары и дворы – плитками *лавы*. *Лава* – одесский вулканический стройматериал из окрестностей Везувия для мощения тротуаров. Как и мрамор, и гранит, лава была выгодным корабельным балластом в рейсах за хлебом из Италии. В старых дворах Одессы плитки лавы до сих пор выполняют свою первоначальную функцию. Напр.: *Взяв меня за ручку, повела по нашей Базарной улице... по плиткам лавы* (Катаев 1983: 44). Ни один из словарей русского и итальянского языков не фиксирует значений слов *лава* / *lava* как базальтового строительного камня, хотя *лава* не только многозначное слово, но и имеет омонимы в русском языке. Одессизм *лава* – результат метонимического переноса значения заимствованного итальянизма.

Шахтные выработки, в которых добывался известняковый строительный камень *ракушечник* (в украинском языке и в одесском койне *ракушняк*) в Одессе регулярно называются *катако́мбами* (< ит. *catacomba* < н.-греч. *катаκόμβη* – «подземная гробница», «подземелье»). В русскую речь Одессы слово *катакомбы* вошло из двух языков: итальянского и новогреческого. Латынь в своё время заимствовала это слово из греческого, о чём свидетельствует исконный греческий полисемичный префикс *ката-*, означающий движение вниз. В стандартном русском лексическом фонде имеется исконный синоним слова *катако́мбы* – *каменоло́мни*, – лишённый метафоричности. Напр.: *Катакомбы... – это искусственные подземные пустоты... Одни из них представляют собой бывшие каменоломни, другие – ходы из подвалов домов (в Одессе такие ходы чаще всего называли “минами”)* (Файтельберг 1999:

82–83). *Мина* – < ит. *mina* – «шахта», «рудник». По нашему мнению, в Одессе закрепилось слово катакомбы для обозначения шахт, в которых добывают камень, из-за того, что оно широко употреблялось в разных языках жителей Северо-Западного Причерноморья ещё до конца XVIII в., то есть до основания Одессы.

Интересным, с точки зрения социальной диахронии, является функционирование производного от катакомбы слова **катакомбист**, не зафиксированного словарями русского языка. В истории христианства *катакомбистами* называют первых христиан Рима, устраивавших свои церкви в подземельях (катакомбах). В религиозноведческом дискурсе это слово привычное. В речи одесситов в разное время доминировали разные значения слова *катакомбист*. В XIX в. это, во-первых, одесские масоны (*масон* – < ит. *massone* < *masso* – «камень-валун»), выбравшие катакомбы местом своих встреч (*Подобная катакомба находилась в Барятинском переулке, где также собирались масоны...* (Файтельберг 1999: 85)); во-вторых – бандиты, которые спасались в катакомбах от преследований полиции и прятали там награбленное; в-третьих – *контрабандисты* / *контрабандёры*, прятавшиеся в прибрежных катакомбах в ожидании возможности обойти таможенный пост либо проносившие товары по катакомбам под портофранковской границей. Во время фашистской оккупации города *катакомбисты* – партизаны. Для них катакомбы стали местом дислокации. Напр.: *Москва не слышала катакомбистов, вот и приходилось совершать рискованные рейды в открытую степь* (Корольков 1971: 194). Сегодня слова *катакомбист*^{1,2,3,4} – омонимы-историзмы с одинаковой словообразовательной парадигмой и общей семой ‘прятаться’. В нач. XXI в. функционирует ещё один одессизм *катакомбист(5)* без семы ‘прятаться’: 1) «тот, кто бывает, работает в катакомбах, изучает их; спелеолог».

В XIX – нач. XX в. в РГРО функционировали итальянизмы бытовой сферы. Напр.: 1) *Если бы от моря уходить – в степь... – тогда другое дело. А так – не, баста* (Львов 1966: 111). *Баста* < ит. *basta!* – «достаточно; всё», «хорошо, ладно» – зафиксировано в общеупотребительном русском просторечии, куда, по нашему мнению, попало из одесской городской речи. 2) *Купили на базаре ... маленькую ароматную дыньку канталупку...* (Катаев 1983: 103). *Канталупа*, -ка – оттопонимное название сорта дынь, по названию местности в Италии – *Cantalupo*. 3) *Итальянцы подадут вам “бродетто” из рыбы, “пребульоне” из зелени, “фугачеты”, “равьёли”, “нёйки”, “ризороста”, “ризотто”, фритуры из баранины, дичи и рыбы; макароны...* (Яковлев 1894: 392). До сер. XX в., по воспоминаниям современников, в речи одесситов активно функционировали все эти прагматонимы, постепенно частотность некоторых из них снижалась и сегодня ограничена профессиональной речью кулинаров.

Выводы. Таким образом, в процессе исследования 67 одесских шибболетов-молдаванизмов и 72 одесских шибболетов-итальянизмов, выбранных из более 500 текстов разных стилей и 541 анкеты, используя социолингвистический и ряд собственно лингвистических методов анализа материала, нам удалось установить основные процессы, способствовавшие заимствованию в русскую городскую речь Одессы восточно-романских и итальянских лексем, сохранению их в качестве локализмов и дальнейшему вхождению некоторых из них в общеупотребительную русскую речь. Это появление новых сценариев быта и профессиональной деятельности; наличие региональных сценариев городской жизни с участием носителей молдавского,

румынского и итальянского языков; изменение семантической структуры лексем под влиянием изменения денотата в новых условиях его функционирования; межъязыковая контаминация; межъязыковая паронимия корневых и служебных морфем; метафоризация ранее заимствованного с другим значением слова; коннотативная выразительность заимствованных просторечных слов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БОГОРОДСКИЙ, Б. Л. (1948): «Терминология моряков Средиземно-Черноморского бассейна». *Учёные записки Ленинградского гос. педагогич. ин-та им. А. И. Герцена*, 69, с. 18–42.
- БОНДАЛЕТОВ, В. Д. (1990): *Иноязычная лексика в русских аргос : учеб. пособие к спецкурсу*. Куйбышевский гос. педагогич. ин-т. Куйбышев.
- ДЕМЬЯНОВА, Л. И. (2002): «Новейшие итальянизмы в русском и украинском языках». *Записки з романо-германської філології*. ЛАТСТАР. Одеса, 11, с. 51–62.
- ЕРОФЕЕВА, Т. И., СКИТОВА, Ф. Л. (1992): *Локализмы в литературной речи горожан*. Изд-во Пермского университета. Пермь.
- ЖУРАВЛЁВ, А. Ф. (1984): «Иноязычные заимствования в русском просторечии (фонетика, морфология, лексическая семантика)». *Городское просторечие. Проблемы изучения*. Наука. Москва, с. 102–124.
- ЗЕЛЕНЕЦКИЙ, К. П. (1855): *О русском языке в Новороссийском крае*. Одесса.
- ИВАНОВ Вяч. Вс. (2004): «Языки большого города». *Лингвистика третьего тысячелетия*. Языки славянской культуры. Москва, с. 106–122.
- ИСМАГИЛОВА, Н. В. (2007): *Язык города Уфы : функционирование различных языковых подсистем и билингвизма : автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Уфа.
- КОЛЕСОВ, В. В. (1991): *Язык города*. Высшая школа. Москва.
- ПАЛАДИ, А. (2008): «Русскоязычные острова в Закарпатье, Гагаузии и в Приднестровье». *Вестник. Современный русский язык : функционирование и проблемы преподавания*. Русский культ. центр; Будапештский университет им. Этвеша Лоранда. Будапешт, 22, с. 117–120.
- СМИРНОВ, В. П. (2008): *Одесский язык*. Полиграф. Одесса.
- СТЕПАНОВ, Е. Н. (1999): «Семантизация некоторых украинских слов жителями Одессы». *Мова*. Одеський держ. унів. Одеса, 3–4, с. 61–65.
- СТЕПАНОВ, Е. Н. (2003): «Предпосылки создания одесской русской речевой нормы на рубеже XIX–XX вв.» *Мова*. Астропринт. Одеса, 8, с. 231–235.
- СТЕПАНОВ, Є. М. (2004): *Російське мовлення Одеси : монографія*. Астропринт. Одеса.
- СТЕПАНОВ, Е. Н. (2005): «Лексические итализмы в речи одесситов». *Мова і культура. Національні мови і культури в їх специфіці та взаємодії: наук. видання*. ВД Дм. Бурого. Київ, вип.8, т.5, ч.1, с. 30–36.
- СТЕПАНОВ, Е. Н. (2006): «Язык города в социальном и цивилизационном процессе». *Мова*. Астропринт. Одеса, 11, с. 44–54.
- СТЕПАНОВ, Е. Н. (2009): «Восточнороманская составляющая в становлении и функционировании одесского городского койне». *Славянские чтения: Материалы*

научно-теоретической конференции. Славянский университет Респ. Молдовы. Кишинёв, 5, с. 37–45.

СТЕПАНОВ, Е. Н. (2013): *Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы : дис. ... доктора филол. наук.* Одесский нац. унив. им. И. И. Мечникова. Одесса.

ШАЛИНА, И. В. (2010): *Уральское городское просторечие как лингвокультурный феномен : автореф. дис. ... доктора филол. наук.* Уральский гос. унив. Екатеринбург.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

БОЛОКАН, Г., МЕДВЕДЕВА, Т., ВОРОНЦОВА, Т. (1980): *Румынско-русский словарь = Dictionar roman-rus.* Русский язык. Москва. Научное и энциклопедическое издательство. Бухарест.

ДАЛЬ, В. И. (1978–1980): *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* Русский язык. Москва.

ДОЛОПЧЕВ, В. (1886): *Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России).* Одесский Вестник. Одесса.

ЕЛИСТРАТОВ, В. С. (1997): *Язык старой Москвы: лингвоэнциклопедический словарь.* Русские словари. Москва.

ЗЕЛЕНЕЦКИЙ, К. П. (1839): «Жизнь в Одессе». *Одесский альманах на 1839 год.* Одесса, pp. 167–197.

КАТАЕВ, В. П. (1983): *Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона.* Советский писатель. Москва.

КОРОЛЬКОВ, Ю. (1971): «В катакомбах Одессы». *Одессе посвящается. Город-герой в художественной литературе.* Маяк. Одесса, с. 194–198.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ : прибавление к «Одесскому вестнику» (1833–1834). Одесса.

ЛЬВОВ, А. Л. (1966): *Крах патента.* Маяк. Одесса.

МАС (1981–1984): *Словарь русского языка : в 4 т.* Русский язык. Москва.

МОРЯК : краевая газета Чёрного, Азовского и Каспийского морей. Одесса.

ПОЙЗNER, М. Б. (2001): *С Одессой надо лично говорить... (Из подсмотренного и подслушанного).* Друк. Одесса.

РАБИНОВИЧ, О. (1850): «Мориц Сефарди». *Литературные вечера.* Н. Фумели. Одесса, 2, с. 5–154.

СКАЛЬКОВСКИЙ, А. А. (1870): «Одесса за 40 лет назад». *Труды Одесского Статистического Комитета.* Одесса, 4, с. 47–68.

СРГО (2000–2001): *Словарь русских говоров Одесщины: в 2 т.* АстроПринт. Одесса.

ФАСМЕР, М. (1986–1987): *Этимологический словарь русского языка : в 4 т.* Пер. с нем. О. Н. Трубачёв, ред. Б. А. Ларин. 2-е изд. Прогресс. Москва.

ЯКОВЛЕВ, В. А. (1894): «Кое-что об иноплеменниках в истории г. Одессы». *Из прошлого Одессы : сборник статей.* Маразли. Одесса, с. 372–393.

BIBLIOGRAPHY

- BOGORODSKIJ, B. L. (1948): "Terminologija morjakov Sredizemno-Chernomorskogo bassejna". *Uchjonye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo instituta imeni A. I. Gercena*, 69, pp. 18–42.
- BONDALETOV, V. D. (1990): *Inojazychnaja leksika v russkikh argo : uchebnoje posobie k speckursu*. Kujbyshevskij gosudarstvennyj pedagogičeskij institut, Kujbyshev.
- DEMYANOVA, L. I. (2002): «Novejšiye ital'jannizmy v russkom i ukrainskom yazykakh». *Zapiski z romano-germans'koj filologii*. LATSTAR. Odesa, 11, s. 51–62.
- EROFEEVA, T. I., SKITOVA, F. L. (1992): *Lokalizmy v literaturnoj rechi gorozhan*. Izdatel'stvo Permskogo universiteta. Perm'.
- IVANOV, Vjach. Vs. (2004): "Jazyki bol'shogo goroda". *Lingvistika tret'ego tysjacheletija*. Jazyki slavjanskoj kul'tury. Moskva, pp. 106–122.
- ISMAGILOVA, N. V. (2007): *Jazyk goroda Ufy: funkcionirovanie razlichnykh jazykovykh podsistem i bilingvizma: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Ufa.
- KOLESOV, V. V. (1991): *Jazyk goroda*. Vysshaja shkola. Moskva.
- PALADI, A. (2008): "Russkojazyčnye ostrova v Zakarpat'e, Gagauzii i v Pridnestrov'e". *Vestnik. Sovremennyj russkij jazyk: funkcionirovanie i problemy prepodavanija*. Russkij kul'turnyj centr; Budapeshtskij universitet imeni Etvesha Loranda. Budapesht, 22, pp. 117–120.
- SHALINA, I. V. (2010): *Ural'skoe gorodskoe prostorečie kak lingvokul'turnyj fenomen: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk*. Ural'skij gosudarstvennyj universitet. Ekaterinburg.
- SMIRNOV, V. P. (2008): *Odesskij jazyk*. Poligraf. Odessa.
- STEPANOV Ie. N. (1999): "Semantizacija nekotoryh ukrainskikh slov zhiteljami Odessy". *Mova*. Odes'kyj derzhavnyj universytet. Odesa, 3–4, pp. 61–65.
- STEPANOV, Ie. N. (2003): "Predposylki sozdanija odesskoj russkoj rechevoj normy na rubezhe 19–20 v.v." *Mova*. Astroprynt. Odesa, 8, pp. 231–235.
- STEPANOV, Ie. M. (2004): *Rosijs'ke movlennja Odesy : monografija*. Astroprynt. Odesa.
- STEPANOV, Ie. N. (2005): "Leksicheskie italizmy v rechi odessitov". *Mova i kul'tura. Nacional'ni movy i kul'tury v jikh specyfici ta vzajemodiji: naukovye vydannja*. Vydavnychyj Dim Dmytra Burago. Kyiv, issue 8, vol.5, part 1, pp. 30–36.
- STEPANOV, Ie. N. (2006): "Jazyk goroda v social'nom i civilizacionnom processe". *Mova*. Astroprynt. Odesa, 11, pp. 44–54.
- STEPANOV, Ie. N. (2009): "Vostochnoromanskaja sostavljajushhaja v stanovlenii i funkcionirovanii odesskogo gorodskogo kojne". *Slavjanskije chtenija: Materialy nauchno-teoreticheskoj konferencii*. Slavjanskij universitet Respubliki Moldovy. Kishin'jov, 5, pp. 37–45.
- STEPANOV, Ie. N. (2013): *Russkaja gorodskaja rech' v polilingvokul'turnom prostranstve Odessy: dis. ... dokt. filol. nauk*. Odesskij nacional'nyj universitet imeni I. I. Mechnikova. Odessa.
- ZHURAVLJOV, A. F. (1984): "Inojazyčnye zaimstvovanija v russkom prostorečii (fonetika, morfologija, leksičeskaja semantika)". *Gorodskoe prostorečie. Problemy izučenija*. Nauka. Moskva, pp. 102–124.
- ZELENECKIJ, K. P. (1855): *O russkom jazyke v Novorossijskom krae*. Odessa.

SOURCES

- BOLOKAN, G., MEDVEDEVA, T., VORONCOVA, T. (1980): *Rumynsko-russkij slovar' = Dictionar roman-rus*. Russkij jazyk. Moskva. Nauchnoe i enciklopedicheskoe izdatel'stvo. Bukharest.
- DAL', V. I. (1978–1980): *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka: v 4 t.* Russkij jazyk. Moskva.
- DOLOPCHEV, V. (1886): *Opyt slovarja nepravil'nostej v russkoj razgovornoj rechi (preimushhestvenno v Juzhnoj Rossii)*. Odesskij Vestnik. Odessa.
- ELISTRATOV, V. S. (1997): *Jazyk staroj Moskvy: lingvoenciklopedicheskij slovar'*. Russkie slovari. Moskva.
- FASMER, M. (1986–1987): *Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t.* Per. s nem. O. N. Trubachjov, red. B. A. Larin. 2-e izd. Progress. Moskva.
- JAKOVLEV, V. A. (1894): “Koe-čto ob inoplemennikakh v istorii g. Odessy”. *Iz proshlogo Odessy: sbornik statej*. Marazli. Odessa, pp. 372–393.
- KATAEV, V. P. (1983): *Razbitaja zhizn', ili Volshebnyj rog Oberona*. Sovetskij pisatel'. Moskva.
- KOROL'KOV, Ju. (1971): “V katakombakh Odessy”. *Odesse posvjashhaetsja. Gorod-geroj v khudozhestvennoj literature*. Majak. Odessa, pp. 194–198.
- LITERATURNYE LISTKI : *pribavlenie k «Odesskomu vestniku»* (1833–1834). Odessa.
- L'VOV, A. L. (1966): *Krakh patenta*. Majak. Odessa.
- MAS (1981–1984): *Slovar' russkogo jazyka: v 4 t.* Russkij jazyk. Moskva.
- MORJAK : *kraevaja gazeta Chjornogo, Azovskogo i Kaspijskogo morej*. Odessa.
- POJZNER, M. B. (2001): *S Odessoj nado lichno govorit'... (Iz podsmotrennogo i podslushannogo)*. Druk. Odessa.
- RABINOVICH, O. (1850): “Moric Sefardi”. *Literaturnye vechera*. N. Fumeli. Odessa, 2, pp. 5–154.
- SKAL'KOVSKIJ, A. A. (1870): “Odessa za 40 let nazad”. *Trudy Odesskogo Statisticheskogo Komiteta*. Odessa, 4, pp. 47–68.
- SRGO (2000–2001): *Slovar' russkikh govorov Odesshhiny: v 2 t.* AstroPrint. Odessa.
- ZELENECKIJ, K. P. (1839): “Zhizn' v Odesse”. *Odesskij al'manakh na 1839 god*. Odessa, pp. 167–197.